

также попытка отвлечься от сличения конкретных текстов с тем, чтобы обнаружить художественный архетип, стадияльно предшествующий этому произведению, и реконструировать его общий облик, а не частные фрагменты. Иными словами, необходимо установить, с какой исторически более ранней повествовательной системой сопоставима последовательность элементов, реализованная в произведении XVII в., какова та форма, которая типологически соответствует ему на предыдущем этапе становления жанровой традиции.

Таким архетипом, согласно ранее выдвинутому тезису, нужно считать волшебную сказку.

Особо прозрачные реликтовые следы сказочного фольклора в некоторых эпизодах «Повести» (скажем, в схватке Саввы с тремя польскими богатырями) уже были замечены исследователями.³² Но речь должна идти не столько о сказочном тоне отдельных отрывков, сколько о принципиальном родстве всей структуры произведения с волшебной композицией, в которой так или иначе реализуется номенклатура открытых Проппом³³ простейших составляющих сказочного сюжета (функций).

Подготовительное действие «Повести», следующее за авторским зачином и краткой предысторией семьи Грудцыных, открывается отъездом Саввы из родительского дома в «Усольский град Орел». Перед нами — та самая отлучка, которая, по Проппу, располагается в линейной последовательности сказочных элементов сразу за исходной ситуацией (последняя представлена рассказом о торговых делах и поездках Грудцына-старшего).

Далее, за начальной семейной ситуацией и отлучкой, идет подробное описание жизни Саввы в Орле, его «падения блудного», клеветы и изгнания юноши из дома Бажена (отправка). Эта цепочка эпизодов будет рассмотрена ниже. Пока же следует сказать, что она мотивирует встречу опоенного приворотным зельем, влюбленного Саввы с Бесом, который вымогает у своего «брата» «богоотметное рукописание».

Авторы новейшего исследования о структуре волшебной сказки³⁴ вполне резонно предлагают объединить найденные Проппом функции в «большие синтагматические единства», распадающиеся на три блока, каждый из которых является формой испытания героя на пути к приобретению сказочных ценностей, — предварительное испытание (получение чудесного средства), основное (решение трудных задач, ликвидация недостатка, подвиг), дополнительное (идентификация героя и развенчание самозванца, претендующего заступить место победителя). В частности, предварительное испытание включает в себя такие пропповские функции, как отправка, собственно испытание героя благожелателем (первая функция дарителя), реакция героя, получение волшебного средства.

Если взглянуть теперь с этой обобщающей и содержательной точки зрения на встречу Саввы с Бесом, то она без каких-либо натяжек может

XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. См. особенно: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, стр. 525 и след.

³² Скрипиль указывал на фольклорный оттенок этой сцены в своей последней работе, посвященной «Повести о Савве Грудцыне» (см. комментарий к сб.: Русская повесть XVII века. Л., 1954). «Весь эпизод разведки Саввы в Смоленске, — писал он, — соткан из народно-поэтических мотивов ... Особенно же замечательны по своей близости к народно-поэтическому творчеству эпизоды сражения Саввы с польскими „исполинами“ под стенами Смоленска» (стр. 391).

³³ В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969.

³⁴ Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сега. Проблемы структурного описания волшебной сказки. — В сб.: Труды по знаковым системам, вып. IV. Тарту, 1969. (Далее: Проблемы структурного описания...).